

Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России

Замыкая круг переходного периода

Второй электоральный цикл в России, включавший в себя выборы депутатов Государственной Думы 19 декабря 1999 года и выборы Президента России 26 марта 2000 года, завершил процесс «учредительных выборов», начатый в ходе перестройки (выборы 1989-1991 годов) и первого электорального цикла 1993-1996 годов. Окончание второго электорального цикла также обозначило конец процесса трансформации политического режима в России. Страна миновала переходный период, то есть этап смены одного политического режима другим. Настало время подводить итоги как «учредительным выборам», так и в целом трансформационного процесса.

Второй электоральный цикл в «новых демократиях» (к которым, с известными оговорками, зачастую причисляют и Россию) имеет едва ли не большее значение для трансформации политического режима, чем первый цикл «учредительных выборов», имевших место после падения недемократических режимов. В самом деле, свержение недемократического режима, каким бы путем оно не происходило, отнюдь не гарантирует возникновение демократии. В конце концов, «учредительные выборы» в ряде посткоммунистических стран (Россия здесь не исключение) во многом носили характер референдума по вопросу о доверии прежней политической системе. Но они определяли будущее этих обществ, скорее, на основе оценки прошлого и/или существующего положения дел, чем на основе ожиданий перспектив. Поэтому не стоит удивляться, что вполне демократический приход к власти популистского лидера может повлечь за собой установление неопатримониального режима, подобного правлению Лукашенко в Беларуси, а этнополитическая мобилизация в ходе предвыборной борьбы – создать предпосылки для гражданской войны, как это произошло в Югославии. Ни в том, ни в другом случае выборы не означали установления демократии просто по факту их проведения. Нет нужды говорить о неконкурентной практике посткоммунистических выборов в Азербайджане или в Казахстане, не имеющих отношения к демократии. В конце концов, демократия суть режим, в котором партии (и правительства вообще) теряют власть в результате выборов (Пшеворский, 1999: 28), хотя известны примеры демократий, где одни и те же партии сохраняли власть десятилетиями.

В то время как первый электоральный цикл обычно связывается с установлением нового политического режима, второй электоральный цикл знаменует собой этап его консолидации. В данном случае, термин «консолидация» понимается минималистски и означает отсутствие значимых внутривнутриполитических акторов, способных к изменению режима без согласия на это других акторов (Гельман, Рыженков и Бри, 2000: 34). Иными словами, консолидация политического режима определяется как достижение точки равновесия (эквиполюма). Такой эквиполюм может установиться не только вследствие принятия акторами формальных демократических институтов. При известных обстоятельствах эти институты – и, прежде всего, институт выборов – могут служить целям, далеким от демократии, будучи лишь фасадом неформальных институтов (O'Donnell, 1996). До самого последнего времени

большинство исследователей, говоря о смене режима, полагали почти что «по умолчанию», что речь идет если не о всеобщем и полном установлении демократии, то, во всяком случае, переходе от «плохих» форм политической организации общества к «хорошим». Но вряд ли подобная «историческая телеология» (Капустин, 1998: 56) может служить эффективным познавательным инструментом для анализа переходных процессов вообще и в России в частности.

В течение 1990-х годов оценки политического режима в России как «гибридного», в духе «демократии с прилагательными» (Collier and Levitsky, 1997), то есть соединяющего демократические и недемократические черты, стали повсеместными. Не являлось исключением и наше исследование первого электорального цикла в России, где мы отмечали противоречивую роль выборов в становлении нового российского режима: «С одной стороны, в период 1989-1996 годов Россия пережила восемь конкурентных общенациональных выборов и три общенациональных референдума, не считая региональных и местных выборов. Парламентские и президентские выборы стали проходить в сроки, отведенные Конституцией, и неоднократные попытки их переноса или отмены потерпели крах. Несмотря на высокую (даже по меркам "новых демократий") неустойчивость массового электорального поведения, начали определяться контуры партийной системы, пока еще отличающейся весьма высоким уровнем фрагментации. Устойчивый характер приобретает и российская избирательная система, а вместе с ней – и другие элементы институционального дизайна. Но главное – выборы в России стали основным механизмом политической конкуренции, исключение (или ограничение) которого было бы возможно лишь ценой смены политического режима в России в целом. С другой стороны, выборы в России пока еще не стали механизмом смены власти. Ни разу по итогам выборов в стране не происходили смена правительства или Президента страны. Ни разу смена политического курса правительства или отдельных его аспектов не были связаны с демократической подотчетностью. Ни разу выборы, даже будучи свободными в плане доступа к участию в них избирателей и кандидатов, не являлись справедливыми в плане равных условий предвыборной борьбы. Наконец, несмотря на обилие выборов различных органов власти, в стране не были созданы институциональные гарантии, исключающие срыв выборов или отмену их результатов в случае поражения правящей группировки» (Гельман, Голосов и Мелешкина, 2000: 13-14). Большинство из сказанного здесь сохраняет значение и по истечении второго электорального цикла.

Но что же стоит за этими противоречиями? Означают ли они лишь временные и преходящие явления, обусловленные лишь незавершенностью перехода и различными ситуационными факторами? (Шевцова, 1999, McFaul, 1999). Или же данные характеристики российских выборов и политического режима есть не часть перехода к демократии (или крушения таковой), а устойчивая долгосрочная тенденция? (Гельман, 1999, Solnick, 1999). Соответственно, второй электоральный цикл в России мог стать своего рода «моментом истины», позволяя выявить сущность российского политического режима.

Накануне избирательного цикла, летом-осенью 1999 года, не было недостатка в различных прогнозах и сценариях выборов. Но едва ли многие ожидали того, что произошло на практике. После затяжного экономического и политического кризиса правящая группировка смогла не просто добиться максимально благоприятных результатов с точки зрения распределения голосов

избирателей, значительной доли парламентских мандатов и президентского кресла, но и обеспечить, по крайней мере, на некоторый период, легитимность и эффективность политического режима. При этом примечательны как сам факт проведения выборов в неизменных правовых рамках, так и принятие их итогов всеми значимыми политическими силами. Не просто выживание, но укрепление политического режима – казалось бы, достаточно необычный исход кризиса такого масштаба в сравнительной перспективе (Dogan and Hingley, 1998). Но если рассматривать итоги выборов 1999-2000 годов как исход переходного периода в целом, то нельзя не признать, что они вполне вписываются в логику завершения смены одного консолидированного режима другим.

Вероятно, в большинстве «новых демократий» подобные итоги выборов могли бы восприниматься как свидетельство демократической консолидации. Однако большинство актуальных комментариев российских выборов носили явно критический характер (Шейнис, 2000; McFaul, 2000), и даже лояльные Кремлю наблюдатели предпочитали говорить об «управляемой» (Третьяков, 2000) или «манипулятивной» (Марков, 2000) демократии. В этих суждениях есть немало справедливого, поскольку этот результат был достигнут за счет серьезного отклонения от стандартов современных демократий. Речь идет не только об одностороннем освещении кампании в средствах массовой информации (Задорин, 2000) или о подозрениях, связанных с фальсификациями итогов голосования (Овчинников, 2001). Фактически, второй электоральный цикл и его последствия продемонстрировали подрыв реального влияния на важнейшие политические решения таких формальных политических институтов, как партии, парламент и законодательство в целом. Их роль в новых условиях оказалась снижена за счет усиления неформальных практик административной мобилизации избирателей, клиентелизма и коррупции. Сходные тенденции отмечались и ранее, по итогам первого избирательного цикла 1993-1996 годов; поставленный нами вопрос о том, в какой мере и насколько долго такого рода явления будут определять облик российского политического режима (Гельман, Голосов и Мелешкина, 2000: 38) по-прежнему остается открытым.

Итак, после завершения второго электорального цикла в России основные характеристики политического режима – композиция институтов и акторов с их ресурсами и стратегиями (см. Гельман, 1999) остались неизменными, несмотря на изменения персонального наполнения тех или иных позиций и изменения соотношения сил тех или иных акторов. По итогам избирательного цикла 1999-2000 годов (так же, как и по итогам избирательного цикла 1993-1996 годов) особенности политического режим в России можно описать как: 1) Моноцентризм (наличие доминирующего актора, достижению целей которого не способны препятствовать все другие акторы, вместе взятые); 2) Преобладание неформальных политических институтов над формальными;¹ 3) Преобладание компромиссных стратегий взаимодействия доминирующего актора и остальных (подчиненных) акторами при отсутствии шансов прихода к власти политической оппозиции.

Настоящая глава посвящена поискам ответа на вопрос о том, как (и, в известной мере, почему) российская политическая элита и политический режим в ходе второго электорального цикла не только выжили, но и совершил поворот к консолидации. Ее первая часть представляет собой анализ роли конфликтов и

---

¹ Под институтами здесь и далее понимаются нормы и правила политической деятельности.

компромиссов элит в процессе трансформации политического режима в России. Вторая и третья части – описание, соответственно, политического развития России в период между первым и вторым электоральным циклами, а также хода и результатов парламентской (1999 года) и президентской (2000 года) выборных кампаний. В заключительной части подводятся итоги электорального цикла 1999-2000 годов и рассматриваются их политические последствия с точки зрения консолидации российского режима в сравнительной перспективе.

Конфликты и компромиссы: российские элиты и смена режима

Нет нужды доказывать ключевую роль элит в процессе трансформации политического режима. Россия в этом смысле не является исключением: характер и направленность посткоммунистического развития страны во многом определялись внутриэлитными взаимодействиями (Гельман, 1999; Мельвил, 1999). Тем более значимы элиты как акторы электоральной политики: хотя выбор в день голосования делают избиратели, меню этих предпочтений формируют элиты. Электорат может делать выбор в пределах, задаваемых состязанием элит, но не в состоянии выйти за эти рамки. Этот принцип шумпетерианской модели демократии (Шумпетер, 1995: 355), хотя часто критикуется как недостаточный (см., например Шапиро, 2001), но все же признается необходимым. Именно конфликт элит лежит в центре электоральной политики в демократических режимах (Sartori, 1990: 180). Опыт российской трансформации также подтверждает этот тезис (Гельман, 1999).

Напротив, для сравнительных исследований демократизации общим местом являются представления о «пактах» элит как ключевом элементе процесса трансформации (O'Donnell and Schmitter, 1986; Burton, Gunther and Higley, 1992; Пшеворский, 1999), в том числе – в ряде стран Восточной Европы (Linz and Stepan, 1996: 255-316). Однако российская трансформация 1990-х годов явно не вписывалась в эти рамки анализа, поскольку крушение коммунистического режима в стране после августа 1991 года стало следствием разрешения внутриэлитного конфликта по принципу «игры с нулевой суммой», или «навязанного перехода» (Karl and Schmitter, 1991: 275; см. также Гельман, Голосов и Мелешкина, 2000: 17). Аналогичный сценарий во многом повторился и в ходе конфликта между Президентом и Верховным Советом России в сентябре-октябре 1993 года. На первый взгляд, этот опыт демонстрировал триумф силовых стратегий и свидетельствовал о неизбежности нарастания новых политических конфликтов за пределами рамок электоральной политики. Но на деле политическое развитие на уровне национальных элит России после 1993 года проходило под знаком перманентных колебаний между временными и частичными компромиссами и конфликтами, которые, однако, разрешались главным образом по принципу «торга» между сегментами элит (подробное описание см. Шевцова, 1999), имевшего к институту выборов косвенное отношение. По завершении второго электорального цикла эти колебания, напоминающие маятник, достигли новой точки равновесия. После 2000 года уровень разногласий внутри российской национальной элиты существенно снизился, если не сошел на нет (по крайней мере, на уровне поведения акторов). В духе термина «навязанный переход» в российском случае можно говорить о «навязанном консенсусе» (Karl, 1986), достигнутом по итогам второго электорального цикла, но теперь уже как следствие победы представителей правящей группы в ходе конкурентных выборов. Этот исход конфликта ставит

на теоретическую повестку дня вопрос о причинах и следствиях конфликтов и компромиссов российских элит. В самом деле, можно ли всегда считать «пакты» элит «движение к демократии недемократическими средствами» (O'Donnell and Schmitter, 1986: 38) или они могут привести и к достижению иных результатов?

Оценки воздействия внутриэлитных отношений на российскую политику были крайне противоречивы. Хотя идея «пакта» как желательного вектора развития в российской политике активно обсуждалась (см., например, Шевцова, 1999: 521), последствия компромиссов элит оказались далеки от предписаний нормативных теорий демократизации. Речь шла о «верхушечном сговоре» элит (Холодковский, 1997) или об «извращенной форме» пакта (Мельвиль, 1999: 63), хотя сходные явления отмечались, например, в странах далекой от России Юго-Восточной Азии (Case, 1996). Между тем, такое развитие событий логически вытекало из закономерностей поведения элит как рациональных акторов в ходе трансформационного процесса. Преследуя собственные интересы, они склонны к оппортунистическому поведению (то есть к извлечению выгод за счет других акторов). Для того чтобы элиты перешли к кооперации, необходимы серьезные стимулы. Такие стимулы могут создать: 1) определенный институциональный дизайн; 2) риски потерь, вызванные неопределенностью (то есть дефицитом информации о возможных последствиях тех или иных действий). Возможности кооперации зависят и от 3) внутренней сплоченности элит, наличия в ее составе нескольких хорошо организованных группировок, которые способны к выработке общих «правил игры» и обеспечению их соблюдения. Российский опыт 1990-х годов, однако, демонстрировал отсутствие всех этих условий.

Во-первых, российская элита после августа 1991 года оказалась высоко фрагментирована. Распад и коммунистического, и антикоммунистического блоков повлек за собой не образование новых влиятельных акторов (как это произошло в ряде стран Восточной Европы), а коррозию нарождавшихся партий (Голосов, 1999). В немалой степени это стало результатом отказа от проведения «учредительных выборов» после того, как КПСС была отстранена от власти. На электоральном уровне фрагментация элит нашла свое воплощение в высокой фрагментации партий и кандидатов, а за пределами электоральной политики – в борьбе многочисленных кланов и клик за влияние на принятие тех или иных решений.

Во-вторых, хотя такая гетерогенность и разрозненность правящей группировки и создавала неопределенность, риски потерь для элит все же были относительно невелики. Захват доминирующего положения каким-либо из акторов в таких условиях был затруднен, а в случае возникновения реальных угроз своему выживанию элиты проявляли защитную реакцию в виде создания временных коалиций, построенных по принципу своего рода негативного консенсуса. На уровне электоральной политики это нашло свое воплощение в избирательной кампании Ельцина в 1996 году, когда в его поддержку выступил конгломерат различных политических и экономических элитных групп, распавшийся сразу после выборов.

В-третьих, наконец, институциональный дизайн в России также не создавал серьезных стимулов к кооперации элит. Президентско-парламентская система правления (Кувалдин, 1998; Гельман, 2000) и сложившаяся модель федерализма (Solnick, 1999; Stepan, 2000), скорее, усиливали фрагментацию элит. В то же время проявившиеся в ходе первого электорального цикла эффекты избирательной системы демонстрировали не только высокий уровень

партийной фрагментации, но и большое влияние независимых кандидатов на избирательный процесс даже на федеральном уровне (Гельман, Голосов и Мелешкина, 2000: 130-176), и еще в большей мере – на региональных выборах (Голосов, 2000).

Политическое развитие России после завершения первого электорального цикла стало демонстрацией оппортунизма элит. После раздела «добычи» в виде постов в правительстве и администрации Президента элитные группировки вступили в борьбу за передел сфер влияния, сопровождавшуюся конфликтами вне рамок электоральной политики. Эта борьба шла с переменным успехом, не принося ни одной из них явного преобладания над другими. Неопределенность, хотя и оставалась высокой, не создавала угроз выживанию элит, поскольку не перерастала в полномасштабную «войну всех против всех». Кроме того, помехи кооперации элит создавали и другие факторы. Характер президентства Бориса Ельцина (особенно после 1996 года) не позволял ему успешно играть роль доминирующего актора (Шевцова, 1999; Breslauer, 2000). Ситуацию усугубляла и неспособность элит обеспечить более или менее эффективную систему взаимного обмена ресурсами из-за отсутствия стабильной массовой поддержки (подрывавшей легитимность, как правящей группы, так и режима в целом) и в силу ограниченного административного потенциала государства (Волков, 1998), что препятствовало соблюдению элитами «правил игры».

Цепь экономических и политических кризисов 1998-1999 годов значительно изменила структуру стимулов в поведении элит. Неопределенность и вызванные ей риски из-за обвала национальной валюты, правительственной чехарды и непредсказуемости политического курса, резко возросли. Институциональные ограничения, связанные с необходимостью проведения как парламентских, так и президентских выборов, были неустранимы, что также увеличивало риски потерь (например, в случае прорыва на властные позиции по итогам выборов «внесистемных» кандидатов-аутсайдеров). Наконец, угрозы безопасности, зримо проявившиеся после серии взрывов в Москве осенью 1999 года, стали последним доводом, склонившим элиты к кооперации.

В этих условиях в преддверии второго электорального цикла российские элиты были вынуждены перейти к поиску решений, направленных на создание эффективных, а не перераспределительных институтов (Tsebelis, 1990: 104-115), иначе говоря, к созданию правил и норм для совместного выживания, а не к получению благ за счет других акторов. В случаях «пактов» наличие двух-трех влиятельных «групп вето» в структуре элит блокировало саму возможность оппортунистического поведения. За нарушение правил конкуренции элит в таких условиях следовали санкции, задаваемые, в том числе, и формальными институтами. Поэтому демократический режим становился в такой ситуации «единственной признанной всеми игрой» (Linz and Stepan, 1996: 5) в силу того, что все иные модели поведения оказывались невыгодны элитам.

В России, однако, высокая фрагментация элит привела к тому, что ни экономические акторы, ни региональные элиты, ни политические партии и парламентские фракции, были не в состоянии обеспечивать механизм блокады односторонних оппортунистических действий. До поры до времени своего рода «отрицательный эквилибриум» поддерживался как бы по умолчанию, в силу сложившейся расстановки сил (Solnick, 1999). Примерно так же, по умолчанию, в отсутствие иных приемлемых решений проблемы коллективного действия (Olson, 1965), поворот к кооперации произошел не на основе формального соглашения элит о правилах конкуренции, а на основе неформального отказа

элит от самой конкуренции как таковой, если она создает вызовы утраты власти и/или иных ресурсов. Таким решением стало (вос) создание механизма, предложенного еще Гоббсом в «Левиафане»: передача акторами своих ресурсов во внешнее управление суверену (или, в наших терминах, доминирующему актору), навязывающему им свои условия в обмен на гарантии сохранения статус-кво, то есть «навязанный консенсус». На уровне электоральной политики воплощением этой рациональной стратегии стали действия по созданию «партий власти».² За пределами электоральной политики это воплотилось в практиках исключения элитами из политического общества реальных и/или потенциальных оппозиционеров и в монополизации контроля над ресурсами, включая принятие важнейших решений.

Достижение «гоббсовского эквилибриума» не было связано с конкретными обстоятельствами второго электорального цикла, включая и персональное наполнение властных позиций. Хотя в ходе выборной кампании претендент на роль доминирующего актора сменился, суть компромисса элит осталась прежней. В то время как аспекты политического курса (policy) во внутренней и во внешней политике России весьма существенно изменились, основные характеристики российского политического режима (politics), а именно набор и сочетание формальных и неформальных институтов и композиция акторов, остались прежними.

Успех правящей группировки в ходе выборов говорит об оправданности этой стратегии. Но консенсус элит, достигнутый на такой основе, был не просто «картелью тревоги» (cartel of anxiety) по типу явления, отмеченного Ральфом Дарендорфом в его критическом анализе элит Западной Германии после Второй мировой войны (Darendorf, 1967: 256). «Навязанный консенсус» российских элит подкреплялся теми же институциональными стимулами, которые ранее препятствовали кооперации. Президентско-парламентская форма правления и федерализм оказались мощными инструментами политики Президента, который опирался на лояльный парламент, и оказался способен ограничить автономию региональных лидеров. Электоральная легитимация Президента обеспечивала ему относительную свободу рук по отношению к различным сегментам элит, в то время как последние вынуждены были выбирать между либо статусом подчиненных акторов, либо потерей ресурсов. В итоге достигнутый консенсус российских элит стал одним из вариантов «картельных соглашений», которые «ограничивают конкуренцию, преграждают соперникам путь к успеху и распределяют выгоды, связанные с политической властью, только среди своих» (Пшеворский, 1999: 134). Краткосрочные выгоды для *каждого* из участников «навязанного консенсуса» от такого рода эквилибриума явно превышают их ожидания долгосрочных выгод для *всех* игроков.

В то же время, «навязанный консенсус» российских элит был частичным и ограниченным. Хотя он позволял обеспечивать успешную реализацию текущего политического курса, но был недостаточен для институциональных изменений, которые позволили бы элиминировать автономию акторов. Каким бы ни был противоречивым и неэффективным российский институциональный дизайн, издержки возможных изменений Конституции могли оказаться непомерно велики. Другое политическое ограничение для элит создавал накопленный за предшествующее десятилетие опыт конкурентной электоральной политики на национальном и региональном уровне. Поэтому попытки отказа от всеобщих

---

² См. главу А.Лихтеншейн в настоящем издании.

выборов губернаторов и мэров городов, продления срока президентских полномочий или проведения досрочных парламентских выборов, оказывались нереализуемыми на практике. Таким образом, говорить о том, что важнейшие формальные институты российского политического режима, и, прежде всего, выборы, обречены служить не более чем фасадом «выборного самодержавия» (Шевцова, 2001), было бы преувеличением. Как минимум, активное партийное строительство, развернувшееся в преддверии третьего электорального цикла, включая тенденцию к объединению партий, участвовавших в предыдущих выборах, свидетельствует о том, что выборы и электоральная политика не утратили своей значимости. Но лишь по итогам третьего электорального цикла можно будет судить о том, в какой мере и в каком направлении эффекты «навязанного консенсуса» в России воздействуют на политический режим. Только новые выборы позволят сделать вывод о том, идет ли речь лишь о временном отступлении или о паузе на пути «движения к демократии недемократическими средствами», либо же о ловушке нового порочного круга (vicious circle). Прояснению этой проблемы поможет и экскурс в политическую историю второго электорального цикла в России.

Погружение в трясину (1996-1999)

Завершение первого электорального цикла президентскими выборами 1996 года дало определенный ответ лишь на один вопрос политического развития страны: о невозможности прихода к власти коммунистов и их союзников. Поражение Геннадия Зюганова во втором туре президентских выборов обозначило пределы электоральных возможностей партии, ассоциировавшейся с прежним режимом в сознании элит и масс. Но электоральный выбор, сделанный в соответствии с принципом «негативной свободы», не мог решить никаких проблем, связанных с проведением политического курса. Более того, этот выбор повлек за собой значительные издержки для российских элит, которые выступили в ходе кампании более или менее сплоченно против Зюганова (см. Гельман, Голосов и Мелешкина, 2000: 33-36). Эти издержки были вызваны следующим: 1) выборы не легитимировали ни президентство, ни политический режим в целом; 2) выборы не позволили сформировать ни пропрезидентского большинства (или хотя бы «группы вето») в Думе, ни сплоченной коалиции сторонников Президента, способной проводить единую политику в рамках правительства; 3) выборы не разрешили, а лишь отложили на время конфликты в рамках элит; 4) выборы не создали институциональных гарантий выживания элит в случае кризисов.

Отчасти эти издержки были вызваны противоречиями институционального дизайна в России, отчасти – слабостью российской партийной системы, а также неблагоприятным экономическим контекстом. Не последнюю роль здесь играли и личные качества Бориса Ельцина, его слабость (не только политическая, но и физическая), проявившиеся в полной мере после завершения выборов. Но само по себе завершение первого электорального цикла становилось началом новой избирательной кампании в силу логики электоральной конкуренции и ограничений сроков президентства, согласно российской Конституции. И, хотя формально второй электоральный цикл в России начался выборами депутатов Государственной Думы в конце 1999 года, фактически же подготовка к нему началась почти сразу после президентских выборов 1996 года. В силу логики президентских выборов как «игры с нулевой суммой», высокой фрагментации

элит и, наконец, отсутствия явных фаворитов будущих выборов этот процесс не мог не носить конфликтный характер. Неудивительно, что широкая и разношерстная коалиция сторонников Ельцина распалась почти сразу же по окончании первого электорального цикла.

Вознаграждение постами приближенных и участников кампании Ельцина по итогам выборов лишь усугубило противоречия. Руководитель предвыборного штаба Ельцина Анатолий Чубайс возглавил его администрацию, бывший кандидат на пост Президента Александр Лебедь, выступивший в поддержку Ельцина накануне второго тура голосования, занял пост секретаря Совета Безопасности, премьер-министра Виктор Черномырдин сохранил свой пост; посты получили также несколько крупных предпринимателей, спонсировавших кампанию Ельцина. Проигравшая на выборах КПРФ сменила тактику, объявив лозунг «вращения во власть». Однако уже через несколько месяцев Лебедь, который не скрывал своих президентских амбиций, был отправлен в отставку (Шевцова, 1999: 291-304; Согрин, 2001: 192-193). Сам же Ельцин в ноябре 1996 года вынужден был подвергнуть себя тяжелой операции, после чего на время отошел от активной деятельности. Эта ситуация усугубила неопределенность и могла перерасти в политический кризис.

В марте 1997 года Ельцин предпринял попытку использовать президентскую власть в целях проведения социальных и экономических реформ. Он провел реорганизацию кабинета Черномырдина, в котором ключевые посты первых вице-премьеров заняли «молодые реформаторы» – Чубайс и нижегородский губернатор Борис Немцов, претендовавший на роль «наследника» Ельцина на его посту. Но такое решение не устраивало ряд сегментов элиты. В ее среде возник раскол, обусловленный переделом сфер влияния и фактическим началом «войны за ельцинское наследство». Влияние «молодых реформаторов», которое было основано исключительно на их поддержке со стороны Президента, вскоре оказалось подорвано; их планы по проведению реформ жилищно-коммунальной и социальной сферы, бюджетного устройства оказались нереализованными. В свою очередь, конфликт вокруг приватизации некоторых предприятий вскоре приобрел публичный характер: телеканалы ОРТ и НТВ, контролируемые предпринимателями Борисом Березовским и Владимиром Гусинским, начали активную кампанию против претендентов на лидерство. Чубайс и ряд членов его команды были обвинены в получении крупных сумм в виде гонорара за еще не написанную ими книгу о приватизации в России, и лишились ряда ключевых постов (Шевцова, 1999: 316-349; Согрин, 2001: 198-202). В этот период российский политический режим все чаще стал обозначаться как «олигархия» (Solnick, 1999: 805-812). Другим ключевым словом при описании российской политики становится «семья», которое в широком смысле обозначало не только членов семьи Ельцина, но и все его окружение, символизируя неэффективность управления и коррупцию.

В преддверии второго электорального цикла становилось все менее реальной перспектива избрания Ельцина на третий срок (хотя Конституция ограничивала президентские полномочия двумя сроками, но лояльные юристы могли обойти эти ограничения с помощью правовой казуистики). С учетом значимости поста Президента ключевым становился вопрос о том, станут ли выборы механизмом смены власти в России. Эта проблема не имела прецедентов решения в российской истории: ни один глава государства не покидал свой пост в результате выборов. Между тем не только оппозиционеры – Зюганов, Явлинский, Лебедь, но и прежде лояльные Ельцину политики, в том числе

Черномырдин и мэр Москвы Юрий Лужков заявляли о своем намерении участвовать в намеченных на 2000 год президентских выборах. Отсутствие координации претендентов усиливало неопределенность, в то время как ни один из них не мог создать необходимых гарантий преемственности элит. В марте 1998 года Ельцин, неожиданно для большинства наблюдателей принял решение об отставке всего правительства Черномырдина. На пост главы правительства был выдвинут 35-летний министр топлива и энергетики Сергей Кириенко, лишь за несколько месяцев до этих событий занявший свой пост.

Отставка кабинета и назначение Кириенко было воспринято российскими элитами негативно. Государственная Дума утвердила кандидатуру Кириенко на посту главы Правительства лишь после того, как Ельцин в третий раз представил его депутатам, угрожая в противном случае роспуском нижней палаты. Не связанный непосредственно ни с одной партией или группой интересов, Кириенко мог проводить в жизнь свои решения, опираясь лишь на поддержку Президента. Его кабинет носил не политический, а «технический» характер, и был призван решать чисто экономические задачи. Правительство было в очередной раз реорганизовано. Кириенко пытался проводить курс реформ в духе Гайдара, но неблагоприятная конъюнктура мировых рынков, помноженная на осложнение финансовой ситуации в стране, не позволяли ему удерживать контроль над развитием событий. Рост пирамиды государственного долга приобрел угрожающие масштабы. 17 августа 1998 года Правительство и Центральный Банк России с согласия Президента объявили о девальвации рубля и о замораживании обязательств государства перед отечественными и зарубежными кредиторами. 23 августа Ельцин подписал указ об отставке правительства Кириенко. Экономический кризис, таким образом, перерос в политический (Шевцова, 1999: 365-378; Согрин, 2001: 206-211).

Кризис не только обесценил сбережения граждан, породив волну массового недовольства. Он нанес сильный удар по российским элитам, увеличив уровень неопределенности. Серьезные потери понесли некоторые группировки бизнеса (Паппэ, 2000). Региональные лидеры отреагировали на кризис требованиями большей самостоятельности от Центра по распоряжению ресурсами регионов. Партии и парламентские фракции, как левые, так и правые, возлагали вину за кризис на Президента. В свою очередь, Ельцин временно возложил исполнение обязанностей премьер-министра на возвращенного из отставки Черномырдина, вновь угрожая Думе роспуском в случае неутверждения его на этом посту. Но такое развитие событий не устраивало российских политических акторов. Во-первых, Черномырдин был непопулярным политиком в глазах населения, и его перспективы на выборах не могли внушить оптимизма. Во-вторых, он в глазах как избирателей, так и элит нес ответственность за провал экономического курса. В-третьих, никто не верил в способность кабинета Черномырдина преодолеть кризис и снизить уровень неопределенности. Наконец, в-четвертых, возвращение Черномырдина означало бы его признание преемником Ельцина, который в преддверии выборов получал контроль над государственным аппаратом, что не устраивало других потенциальных претендентов. В результате кандидатура Черномырдина была дважды провалена в парламенте.

Ельцин оказался перед сложной дилеммой: представлять ли вновь кандидатуру Черномырдина и, следовательно, идти на роспуск парламента и новые выборы, или найти приемлемую для депутатов кандидатуру премьера. Внеочередные выборы на фоне масштабного кризиса могли привести к непредсказуемым последствиям, то есть к еще большей неопределенности, и в их проведении не

был заинтересован никто, кроме коммунистов и их союзников. Поэтому Ельцин был вынужден пойти навстречу депутатам: на пост премьер-министра была предложена нейтральная кандидатура 69-летнего министра иностранных дел Евгения Примакова. Его имя не было связано ни с одной из конкурировавших за влияние группировок элит, ни с кризисом в экономике, ни с коррупционными скандалами. 11 сентября 1998 года Примаков был утвержден главой кабинета подавляющим большинством голосов депутатов нижней палаты.

Как сама фигура Примакова, так и связанный с его назначением компромисс элит рассматривались многими как временное и частичное решение. Согласно Конституции, правительство не было самостоятельным, являясь не более чем командой наемников-профессионалов, ответственных перед Президентом. Но правительству Примакова удалось стабилизировать ситуацию в экономике, опираясь, в том числе, на согласие почти всех фракций парламента. Между тем, смена власти в Кремле в ходе предстоящего электорального цикла становилась неизбежной, и Примаков все чаще рассматривался как перспективный кандидат на выборах Президента. Он был приемлемым для большинства партий, региональных лидеров, части экономических элит, и, не в последнюю очередь, общественного мнения. Но в силу конституционного статуса правительства кабинет Примакова оставался заложником Президента: его независимая политика вступала в прямое противоречие с интересами «семьи» и связанных с ней группировок бизнеса. Это делало невозможным достижение полноценного консенсуса элит. Идея Примакова о заключении «пакта» между Президентом, правительством и палатами парламента по поводу моратория на отставку правительства, роспуск Думы и импичмент Президента до очередных выборов (то есть, на временное статус-кво) была отвергнута Кремлем.

Между тем, усиливалось требование отставки Ельцина и проведения досрочных президентских выборов. Еще весной 1998 года Государственная Дума по инициативе КПРФ создала комиссию по подготовке импичмента Президента на основании обвинения в ряде тяжких преступлений, включая роспуск СССР, расстрел парламента в 1993 году и ведение войны в Чечне. Деятельность этой комиссии долгое время служила лишь средством политического давления. Но в мае 1999 года большинство депутатов Государственной Думы (284 из 450) проголосовало за импичмент Президента, обвинив его в развязывании войны в Чечне. Этого числа голосов оказалось недостаточным до 300, необходимых для начала процедуры отстранения Ельцина от власти. Накануне этого голосования Примаков был без каких-либо публичных объяснений со стороны Президента отправлен в отставку. Главой кабинета стал прежний министр внутренних дел Сергей Степашин, безоговорочно утвержденный на своем посту парламентом в качестве «технического» премьера. Но и Степашин не устроил «семью», и 9 августа 1999 года он столь же стремительно был заменен на своем посту главой Федеральной службы безопасности (ФСБ) Владимиром Путиным, которого Ельцин представил согражданам как будущего Президента России. Казалось, что политический кризис в стране накануне выборов достиг своего предела.

Кризис, распад и восстановление (1999-2000)

Одновременно с назначением Путина главой кабинета, Ельцин подписал указ о назначении парламентских выборов на 19 декабря 1999 года. Согласно новому избирательному законодательству, основные параметры избирательной системы и схема нарезки одномандатных округов остались без изменений по сравнению

с предыдущими выборами. Наиболее значимые поправки в закон о выборах касались расширения федеральной части списков избирательных объединений (с 12 кандидатов до 18), требований к кандидатам при регистрации указывать сведения о своих доходах и имуществе и более широких прав избирательных комиссий по снятию кандидатов и списков с предвыборной гонки за нарушения законодательства. Последняя норма, официально призванная служить задаче недопущения проникновения криминала во власть, на деле послужила орудием давления со стороны Кремля на неугодные партии или кандидатов.

В силу электорального расписания парламентская кампания рассматривалась ее участниками как увертюра президентских выборов 2000 года. Результаты думских выборов становились ориентиром для избирателей и элит в условиях высокой неопределенности. Накануне кампании наибольшие шансы на успех, по мнению наблюдателей, имело объединение «Отечество», возглавляемое Лужковым. Его позиции усилились после того, как Лужкову удалось привлечь на свою сторону Примакова, популярность которого после отставки даже увеличилась. В лагерь фаворитов выборов после колебаний перешло движение «Вся Россия», готовое поддержать любых потенциальных победителей, а также прагматически настроенная часть АПР во главе с Михаилом Лапшиным, и ряд других, более мелких организаций. Список предвыборного блока «Отечество – Вся Россия» (ОВР) возглавил Примаков, второе и третье места в списке заняли Лужков и губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев. Как отмечалось, «реальной скрепой всей этой конструкции были не единая программа или партийная дисциплина, а предвкушение победы, ... [выраженное] словами «партия будущей власти» (Макаренко, 2000: 156). Предполагалось, что успех ОВР на думских выборах будет способствовать выдвижению на президентских выборах Примакова как единого кандидата, поддержанного различными сегментами федеральных и региональных элит. Примаков, с его успешным опытом руководства правительством, казался способным разрешить «дилемму лидерства», согласно которой потребность элиты в сильном лидере сочетается с угрозой, исходящей для нее от этого лидера (Roeder, 1994). Ряд наблюдателей полагал, что в случае участия Примакова в президентских выборах, он мог бы заручиться поддержкой и КПРФ (Шейнис, 2000: 49). Лужков же рассматривался как потенциальный кандидат ОВР на пост премьер-министра.

Накануне кампании, стремясь дистанцироваться от непопулярного Ельцина, лидеры ОВР резко критиковали Президента и его администрацию. Кремль, похоже, не мог противопоставить им ничего существенного в электоральной политике. Лишь в ходе кампании был создан лояльный Кремлю избирательный блок «Единство» («Медведь»), возглавляемый министром по чрезвычайным ситуациям Сергеем Шойгу, но его шансы на первых порах выглядели весьма незначительными (Макаренко, 2000: 158). Но вскоре ситуация резко изменилась под воздействием событий, выходящих за рамки предвыборной борьбы.

Еще весной 1999 года федеральные силовые структуры начали подготовку к силовой операции против чеченских вооруженных отрядов. В августе 1999 года группы чеченских боевиков прорвались на территорию Дагестана, вступив в бои с местной милицией. Вступление в бой регулярных частей МВД и армейских подразделений позволило вытеснить боевиков в Чечню и начать их преследование. В начале сентября в Москве и в Волгодонске произошла серия взрывов жилых домов, которые унесли несколько сотен жизней. Эти события потрясли страну, превратив угрозы безопасности из весьма абстрактного политического термина в часть повседневности россиян. Спустя несколько дней

в одном из домов в Рязани был обнаружен мешок со взрывчаткой, после чего представители ФСБ заявили, что проводили там контртеррористические учения, а мешок был наполнен сахаром. На основании этого выдвигались даже версии о причастности к взрывам российских спецслужб, но доказательств этому (как и другим предположениям) не было представлено, и реальные виновники взрывов не установлены и по сей день.

Однако массовое сознание, в том числе и под воздействием политиков и средств массовой информации, было склонно возложить ответственность за взрывы на чеченских террористов. Это обусловило перелом в общественных настроениях по отношению к событиям в Чечне. Если во время первой чеченской войны 1994-1996 годов ее оценки и массажи, и элитами были в основном негативными, то после взрывов в Москве требования возмездия стали всеобщими. В этой ситуации Путин продемонстрировал решительность и жесткое намерение уничтожить боевиков, и даже заявил в одном из интервью о намерении «мочить в сортире» террористов, если придется. Уже 1 октября 1999 года в Чечню были введены российские войска, что положило начало второй чеченской войне, официально названной «контртеррористическая операция». На первом этапе она принесла федеральным войскам видимые успехи: боевики были вытеснены из равнинных районов республики, а концу 1999 года в руках федеральных сил оказалась столица Чечни – Грозный и большинство других населенных пунктов республики. Хотя, несмотря на уничтожение и/или пленение ряда боевиков, сопротивление в Чечне полностью подавить не удалось, военная кампания позволила добиться мощного укрепления политического авторитета и влияния Путина (Согрин, 2001: 221-223). Речь шла не только о его массовой поддержке, но и о смене настроений элит по ходу избирательной кампании.

Взрывы в Москве нанесли сильный удар по авторитету лидеров ОВР, подорвав веру элит в их способность обеспечить защиту в рамках «дилеммы лидерства». В ситуации, когда от претендентов на руководство страной нужна была демонстрация способности к решению внезапно возникших и ставших наиболее острыми проблем, «партия будущей власти» оказалась уязвимой. Примаков, не обладая властью, не имел возможности влиять на ход событий. Лужков же, ранее не без оснований гордившийся экономическим благополучием столицы, оказался под огнем критики в положении «завхоза, не способного обеспечить порядок в своем хозяйстве» (Петров и Титков, 2000: 21). На фоне укрепления позиций Путина эти обстоятельства были использованы администрацией Президента в предвыборной борьбе против ОВР. По ходу кампании «Единство» все чаще ассоциировалось с поддержкой Путина. Сам популярный премьер объявил лидера этого блока Шойгу одним из своих лучших друзей и заявил о том, что будет голосовать за список «Единства». После этого уровень массовой поддержки «Единства» резко возрос (Макаренко, 2000: 158). Это же послужило сигналом для различных группировок элит (включая региональных лидеров), которые начали стремительно перебегать из лагеря поддержки ОВР на сторону потенциальных победителей. Исключение составили лишь политики, которые были напрямую вовлечены в деятельность блока, но и они демонстрировали лояльность Путину.

В целом, отношение к войне в Чечне стало одним из основных проблемных измерений думской кампании, на время заслонив традиционные разногласия по вопросам социально-экономической политики. «Единство», лидер которого выступал активным участником процесса «восстановления порядка» в Чечне, равно как и СПС, поддержавший силовое решение конфликта, увеличили свой

политический капитал. Противоположным примером служит «Яблоко», лидер которого в ходе кампании заявил о необходимости ведения переговоров с лидерами Чечни. Позиция Явлинского была воспринята неоднозначно даже его коллегами по партии и вызвала резко негативную реакцию средств массовой информации. В совокупности с невыразительной предвыборной кампанией отношение «Яблока» к войне в Чечне сыграло немалую роль в его неудаче на выборах (Овчинников, 2000).

Главным орудием предвыборной агитации стало телевидение, служившее для большинства избирателей основным источником информации о партиях и о кандидатах. Крупнейшие телевизионные каналы – ОРТ и РТР – в ходе кампании подвергли ОВР уничтожающей критике, вплоть до обвинений в адрес Лужкова о соучастии в убийстве, в то же время «продвигая» «Единство» с помощью косвенной рекламы и односторонней подачи новостей. В свою очередь, в тех регионах, где местные телеканалы контролировались ОВР, картина новостей была прямо противоположной, но аудитория и пропагандистские ресурсы местных каналов явно уступали федеральным. «Информационные войны», по некоторым оценкам, оказали немалое воздействие на выбор избирателей, подорвав поддержку ОВР (Задорин, 2000; Зудин, 2000: 107-108; Согрин, 2001: 228-229). Но они сами по себе являлись лишь отражением конфликта элит, в ходе которого ОВР все более терял очки, причем быстрота разрушения его электоральной базы обгоняла темпы формирования электорального потенциала «Единства» (Зудин, 2000: 109). Дефицит предложения на электоральном рынке восполнил СПС, который вел агрессивную кампанию, так же, как и «Единство», пользуясь поддержкой Президента и его администрации и поддержкой ведущих федеральных телеканалов.

Итоги выборов продемонстрировали новую расстановку сил. КППРФ с 24.3% голосов смогла вместе с союзниками получить лишь 130 мандатов в Думе, то есть не могла претендовать даже на роль «группы вето» (Шейнис, 2000: 49). Зато «Единство» с 23.3% голосов на деле стало главным победителем выборов, разгромив ОВР (13.3%), что повлекло за собой распад последнего. Буквально сразу после выборов ряд региональных лидеров, входивших во «Всю Россию», заявили о безусловной поддержке ими Путина и о том, что ОВР был исключительно предвыборным блоком. Часть депутатов, избранных от ОВР по одномандатным округам, даже не вошла в партийную фракцию в Думе. Другим победителем парламентских выборов стал СПС, набравший 8.5% голосов и получивший 32 мандата, в то время как его главный конкурент – «Яблоко» с 5.9% голосов довольствовался лишь 20 мандатами. Еще 16 мест достались созданному на базе ЛДПР «Блоку Жириновского» с 6.0% голосов.

Итоги парламентских выборов создали возможности для неожиданного для многих шага Ельцина. 31 декабря 1999 года он выступил по телевидению с заявлением о своем уходе в отставку с поста Президента России. Согласно Конституции, Совет Федерации назначил внеочередные президентские выборы на 26 марта 2000 года. До проведения выборов президентские полномочия исполнял премьер-министр Путин, первым же своим указом предоставивший гарантии неприкосновенности Ельцину и членам его семьи. Фактически, Ельцин назначил Путина своим преемником, передав ему всю полноту президентской власти. Это решение было встречено в целом благожелательно и общественным мнением, и элитами. Во-первых, Ельцин, утративший популярность и способность к управлению, наконец, покинул свой пост. Во-вторых, этот пост занял фактически победитель парламентских выборов,

которого элиты готовы были признать в качестве доминирующего актора. Выборы в этом плане играли роль инструмента легитимации уже принятого политического решения. На фоне и без того высокой популярности Путина его шансы на победу на внеочередных выборах были неоспоримы.

Перед другими потенциальными кандидатами встал выбор между участием в выборах без серьезных шансов на победу и отказом от борьбы. Фактически, этот выбор был предопределен диспозициями основных участников выборов в Думу и результатами избирательной кампании. Зюганов, как лидер крупнейшей партии, не мог отказаться от участия в президентских выборах. Вынуждены были принять вызов и неудачники выборов в Думу – Явлинский и Жириновский, для которых отказ от борьбы означал бы отказ от претензий на лидерство национального масштаба и усугубление организационных проблем возглавляемых ими партий. Напротив, Примаков столь же вынужденно объявил об отказе от участия в выборах, а вскоре и «Отечество» объявило о поддержке кандидатуры Путина на президентских выборах. И, хотя на пост Президента баллотировались 11 кандидатов, вопрос мог ставиться лишь о том, наберет ли Путин необходимые для избрания уже в первом туре 50% голосов избирателей, или потребуются второй тур голосования.

Сама кампания на фоне скандальных думских выборов проходила достаточно вяло. Путин в ходе предвыборной агитации в основном использовал свой ресурс как инкумбента, опираясь на поддержку общественного мнения, которая после его назначения исполняющим обязанности Президента значительно возросла. По ходу кампании в лагерь сторонников Путина переходили все новые и новые политические и неполитические организации и публичные деятели, не говоря уже о региональных лидерах и представителях экономических элит. При этом речь не шла ни о каких-либо обязательствах Путина по отношению к акторам, выступавшим его союзниками, ни тем более о каком-либо содержании его политики. В числе поддержавших инкумбента оказались идейные оппоненты: как бывшие союзники коммунистов – АПР, так и СПС, сделавший выбор в пользу Путина после некоторых колебаний. Даже кандидат на пост Президента, губернатор Кемеровской области Аман Тулеев заявил о поддержке Путина. Хотя ни партии (включая «Единство»), ни какие-либо другие организованные сегменты элит серьезной роли в ходе кампании не играли, их позиции носили знаковый характер, демонстрируя обществу консенсус, сложившийся вокруг фигуры популярного лидера.

В такой ситуации штаб кампании Путина предпочел наиболее рациональную электоральную стратегию программной неопределенности, когда кандидат не делал однозначных заявлений, стремясь привлечь на свою сторону (или, как минимум, не оттолкнуть) большинство разнородных групп избирателей, которые придерживались различных позиций по ключевым проблемам. Характерно, что Путин даже отказался представить свою предвыборную программу, заявив, что в этом случае она подвергнется критике со всех сторон. Этот подход Путина встречал критику либеральных наблюдателей (Шейнис, 2000: 57-58), но с точки зрения ведения кампании он был наиболее эффективным. В отличие от популистской предвыборной кампании Ельцина в 1996 году, которая содержала многочисленные обещания всевозможных благ, Путин воздержался от резкого повышения пенсий и зарплат бюджетникам, ограничившись небольшими новыми выплатами. Его поездки по стране были ограничены и преподнесены телезрителям как «плановое» выполнение обязанностей главой государства. Наконец, контроль над основными каналами

телевидения позволил предвыборному штабу Путина представить своего кандидата в максимально выигрышном свете с помощью не столько прямой агитации за инкумбента, сколько освещения кампании и ситуации в стране в целом.

Другие кандидаты, не имевшие шансов на победу, решали в ходе кампании, скорее, «оборонительную» задачу – не растерять свой прежний электорат. Зюганов и Явлинский стремились если не повторить результаты кампании 1996 года, то хотя бы превзойти результаты, показанные, соответственно, КПРФ и «Яблоком» на думских выборах. Коммунистам все же удалось сохранить статус-кво (Зюганов набрал 29.2% голосов), но не более. Куда более сильные потери понес в ходе выборов Явлинский. Хотя ему даже удалось заручиться поддержкой одного из маргинальных кандидатов, который в ходе теледебатов накануне голосования снял свою кандидатуру в его пользу, это принесло Явлинскому немного новых голосов. Вместе с тем против него по указанию администрации Президента была развернута активная кампания на телевидении. По итогам голосования Явлинский набрал лишь 5.8% голосов. По мнению аналитиков его предвыборного штаба, «Яблоко» и Г.Явлинский исчерпали основные ресурсы поддержки избирателей» (Кудрявцев и Овчинников, 2000: 463). Последовавший за этим организационный кризис в «Яблоке», уход из партии ряда ее активных деятелей ставят под сомнение перспективы «Яблока» в третьем электоральном цикле. Окончательно утратил поддержку избирателей Жириновский. Он получил 2.7% голосов и уступил Тулееву с 2.95%. Остальные шесть кандидатов, вместе взятые, набрали 3.8% голосов.

Голосование 26 марта продемонстрировало безоговорочную победу Путина. При явке на выборах 68.7% он набрал 52.9% голосов избирателей (3.8% голосов было отдано против всех кандидатов, еще 0.9% бюллетеней было признано недействительными). Хотя сразу после выборов коммунисты и представители «Яблока» заявляли о фальсификациях итогов голосования (Черняховский, 2000: 452-453), результаты не были оспорены никем из кандидатов. Представляется, что эффект «административного ресурса» даже если и сказался на результатах выборов, то имел локальное воздействие. Выборы в цифровом выражении могли продемонстрировать иные значения, но их политический исход был ясен и ни у кого не вызывал сомнений. 7 мая 2000 года Путин официально вступил в должность Президента России.

«Навязанный консенсус»: на пути к консолидации? (2000-...)

Итак, главным политическим следствием второго электорального цикла в России стало частичное восстановление единства элит на национальном уровне – впервые после начала либерализации и демократизации периода перестройки. Что же означали эти изменения для политического развития страны?

Прежде всего, Путин начал свое президентство с решительных намерений восстановления административного потенциала государства. Его программные выступления, включая, например, президентское послание Федеральному Собранию России («Российская газета», 11.07.2000) содержали ключевое слово «государство», употреблявшееся едва ли не в том же ключе, что слово «рынок» в выступлениях либеральных экономистов начала 1990-х годов или, если угодно, что и слово «Бог» в религиозных текстах. Но на практике военные действия в Чечне и попытки использования военной силы и служб безопасности

в качестве инструмента внутренней и внешней политики (вне зависимости от успеха этих действий) отчасти способствовали мобилизации административного потенциала российского государства. Хотя критически настроенные наблюдатели (Шевцова, 2001) напрямую связывали такой способ «возрождения государственности» с прошлым Путина как сотрудника КГБ, но причины и следствия данных изменений были значительно глубже. Они означали не только усиление роли сегментов элит, связанных с вооруженными силами и службами безопасности (которые имели периферийное значение в российской политике после 1991 года), но и использование вооруженных сил и правоохранительных органов как влиятельного политического инструмента в руках доминирующего актора. Эта стратегия «возрождения государственности» была обоюдоострым оружием. Хотя чрезвычайно дорогостоящая в экономическом смысле и в политическом отношении, опора на силовые структуры как основной ресурс государственного строительства оказалась в конечном итоге выигрышной для Кремля. Путину удалось использовать ее для восстановления баланса между различными сегментами элит, в то время как лозунг «наведения порядка» был с энтузиазмом воспринят на уровне массовой поддержки нового российского Президента.

В немалой степени успеху «навязанного консенсуса» способствовала и смена тенденций экономического развития страны после пережитого ей кризиса 1998 года. Благоприятная конъюнктура мировых рынков (иначе говоря, высокие цены на нефть) позволили правительству России решить на некоторое время проблемы финансовой стабилизации, укрепления национальной валюты, ликвидации задолженности по зарплатам и пенсиям, выплаты части внешнего долга и др. Последствия кризиса были преодолены, и это открыло дорогу для новых шагов на пути экономических реформ. Ключевые посты в экономическом блоке правительства и в администрации Президента заняли либеральные экономисты, и летом 2000 года правительство одобрило разработанную под их руководством программу социально-экономической политики, выдержанную в духе либерального курса начала 1990-х годов, но условия для ее реализации (включая административный потенциал государства) были гораздо комфортнее, чем десятилетием ранее.

Но решающее воздействие на «навязанный консенсус» оказал, пожалуй, тот факт, что Путин обрел легитимность на поле электоральной политики. Его победа на выборах, основанная на широкой массовой поддержке, представляла собой разительный контраст с переизбранием на второй срок Ельцина в 1996 году, ставшим возможным лишь в результате негативного консенсуса элит. Если поддержка избирателями инкумбента в 1996 году была выбором *против* Зюганова, то в 2000 году она являлась голосованием *за* Путина, хотя выбор в его пользу был сделан и не ими. По прошествии почти двух лет после президентских выборов 2000 года никакие факторы и обстоятельства не смогли ослабить популярность Путина среди различных групп населения; по данным различных опросов, уровень его поддержки никогда не опускался ниже 60-65%. Таким образом, претензии Путина на роль доминирующего актора в российской политике легли на подготовленную почву не только на уровне взаимодействий элит, но и взаимоотношений элит и масс.

«Навязанный консенсус» российских элит после завершения электорального цикла 1999-2000 годов был основан на следующих принципах: 1) согласие элит об отказе от открытой политической конкуренции; 2) согласие элит с господством доминирующего актора над всеми остальными (подчиненными)

актерами на условиях взаимного обмена ресурсами между ними; 3) согласие элит с преобладанием неформальных практик над формальными нормами и правилами в регулировании политических отношений.

С момента прихода Путина к власти, его доминирующая позиция не просто не оспаривалась другими актерами; все иные акторы, которые претендовали на политическую автономию, были инкорпорированы в неконкурентную систему обмена ресурсами. Те же, кто пытался претендовать на политическое влияние за пределами рамок «навязанного консенсуса», стали объектами атак со стороны государства и/или вскоре перестали оказывать существенное воздействие на ход событий.

Первым знаковым событием в этой связи стало начало работы нового созыва Государственной Думы. Если в 1993-1999 годах нижняя палата служила базой оппозиций различных оттенков (от КПрФ до «Яблока»), до после триумфа «Единства» сторонники правящей группы могли претендовать если не на большинство мандатов, то, по крайней мере, на роль «группы вето». Однако уже на первом заседании фракция «Единство» и ее сторонники, поддержанные администрацией Президента, достигли неформального соглашения с КПрФ о разделе между собой наиболее значимых постов в руководстве Думы и ее комитетов не пропорционально численности депутатов во фракциях, а по принципу большинства. Коммунисты сохранили за собой пост председателя палаты (им вновь стал Геннадий Селезнев), а «Единство» и его сателлиты провели своих представителей в председатели ключевых комитетов Думы. В результате этого фракции «Отечество», «Яблоко» и СПС получили лишь ряд второстепенных постов, а их протесты были проигнорированы думским большинством. После серии переговоров фракции меньшинства вынуждены были согласиться с подчиненным статусом. «Отечество» вскоре заявило о своем союзе с фракцией «Единство» на правах младшего партнера. Вместе со своими сателлитами эти фракции создали в Думе центристскую коалицию в поддержку Президента, обладавшую почти половиной мандатов (Smith and Remington, 2001: 148-153). Таким образом, Кремль получил контроль над 235 голосами думских депутатов (Шейнис, 2000: 47). Это означало возможность принятия Думой основных законов без учета мнения как коммунистов и их союзников, так и правых фракций. Хотя фракции СПС и «Яблоко» также заключили союз друг с другом, их влияние на процесс принятия решений было невелико.

Последствия этого поворота в российской парламентской политике оказались весьма противоречивы. Правительство впервые за десять лет политики реформ получило поддержку в парламенте, необходимую для того, чтобы провести ряд мер в области налогового, трудового, пенсионного, судебного законодательства. Эти шаги были поддержаны в Думе не только центристами, но и либеральными партиями. Но при этом политическое значение парламента оказалось сведено к юридическому оформлению решений, уже принятых исполнительной властью. Далеко не все эти решения получали однозначную поддержку в обществе, как, например, принятый в конце 2000 года закон о восстановлении слегка обновленного гимна Советского Союза в качестве гимна России. Так или иначе, в третьем созыве легислатуры Государственная Дума утратила роль политически автономного института.

Успех в обеспечении контроля над Думой помог Кремлю в реализации плана по рецентрализации власти и ослаблению влияния региональных политических элит. В мае 2000 года Путин объявил о создании на территории России семи федеральных округов, включавших ряд регионов, и о назначении в каждом из

них своих полномочных представителей. Президентские “наместники” должны были обеспечить контроль за соблюдением в регионах федеральных законов и за использованием федерального имущества, а также координировать действия территориальных служб федеральных органов исполнительной власти (Hyde, 2001). Таким образом, власть региональных лидеров, многие из которых бесконтрольно распоряжались ресурсами своих “вотчин” (Solnick, 1999; Stepan, 2000) оказалась частично ограничена. Однако правовые основания для такого господства создавали не только широкие и слабо определенные полномочия глав исполнительной власти регионов, но и порядок формирования верхней палаты парламента – Совета Федерации, который с 1996 года состоял ex officio из руководителей легислатур и органов исполнительной власти субъектов Федерации. Этот механизм критиковался как неэффективный с точки зрения и законотворчества, и представительства интересов регионов (Петров, 1999). В то же время, Путин предложил законопроект, направленный на то, чтобы лишить глав регионов статуса членов верхней палаты парламента (и, таким образом, депутатской неприкосновенности). Летом 2000 года лояльная Президенту Дума приняла закон, согласно которому к началу 2002 года их места в Совете Федерации были заняты профессиональными законодателями. Новые члены верхней палаты, однако, назначались на свои посты региональными органами власти. Предложения правых партий о всенародных выборах Совета Федерации были отвергнуты Кремлем. В новый состав верхней палаты вошли в основном профессиональные лоббисты, вполне лояльные Кремлю, но обладавшие весьма сомнительной легитимностью.

Этот курс, получивший название «укрепление вертикали власти», преследовал цели усиления позиций Президента за счет ослабления региональных элит по принципу «игры с нулевой суммой» (Solnick, 2000; Смирнягин, 2001). Другой законопроект, одобренный Думой, предоставил Президенту право распускать региональные легислатуры и смещать с постов избранных населением глав исполнительной власти регионов в случае нарушения ими федеральных законов (в отдельных случаях – даже без решения суда). Несмотря на сопротивление Совета Федерации, эти законы были быстро приняты с незначительными поправками. Большинство региональных лидеров вынуждены были согласиться со своим подчиненным статусом. Для тех же, кто не соглашался с этой ролью, уроком послужил конфликт в ходе выборов главы администрации Курской области, когда губернатор Александр Руцкой за день до голосования был исключен из предвыборной борьбы по решению суда из-за нарушения закона о выборах (хотя по этим мотивам можно было лишить права быть избранным любого инкумбента, включая Путина).

Одновременно, Кремль усилил давление на не подконтрольные ему средства массовой информации, прежде всего, на телевидение, имевшее наиболее широкую аудиторию. Летом 2000 года, пользуясь контролем государства над 51% акций ОРТ, Кремль добился смены политики канала, отстранив от рычагов управления Березовского, ранее управлявшего им как своей собственностью. Единственным общероссийским негосударственным каналом остался НТВ; он поддержал ОВР на парламентских и Явлинского на президентских выборах и открыто критиковал политику Путина в Чечне. В мае 2000 года Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело против Гусинского и возглавляемых им компаний, а вскоре Гусинский был арестован, хотя позднее выпущен на свободу и выехал за границу. После этого на контроль над НТВ начал претендовать его крупнейший кредитор, контролируемый государством концерн «Газпром»,

который в конце концов добился смены руководства компании и его редакционной политики. Часть журналистов НТВ, не согласная с этим решением, перешла на канал ТВ-6, который контролировал Березовский. Но к концу 2001 года и он был закрыт по решению суда. Другие средства массовой информации, ранее занимавшие независимую позицию, после этого уже не решались проявлять нелояльность к Президенту и его политике.

Развитие взаимоотношений между правительством и представителями крупного бизнеса («олигархами») проходило по той же схеме «кнута и пряника», то есть поощрения лояльных подчиненных акторов и наказания тех, кто претендовал на автономию. С одной стороны, президентская администрация восстановила контроль над крупнейшими корпорациями. Наиболее ярким тому примером стала смена менеджмента крупнейшего газового монополиста – «Газпрома» весной 2001 года. С другой стороны, Генеральная прокуратура и налоговые органы предприняли ряд проверок и расследований в отношении некоторых компаний, обвиняя их в неуплате налогов и других нарушениях законов. Хотя Путин заявил о «равноудаленном» подходе государства по отношению к бизнесу, на деле эти атаки четко обозначали намерение Кремля ограничить влияние экономических акторов на принятие значимых решений. Это позволило свести на нет политическую автономию заинтересованных групп путем их включения в новую систему корпоративных отношений с государством (Перегудов, Лапина и Семенов, 1999; Зудин, 2001). Сходные тенденции возобладали в отношениях государства с некоммерческими общественными организациями «третьего сектора». Неудивительно, что вскоре не только все лидеры бизнеса, но и почти все сколь-нибудь влиятельные общественные деятели оказались лояльными новому режиму, добровольно или вынужденно согласившись на подчиненный статус. Единственное исключение составил Березовский, который после возбуждения уголовных дел против него вынужден был уехать из России за рубеж. Он заявил о создании оппозиции Путину, но этот призыв не получил поддержки среди политиков и предпринимателей.

Что касается третьего принципа «навязанного консенсуса» – преобладания неформальных политических институтов над формальными, то, на первый взгляд, он противоречит самой идее «диктатуры закона», которую выдвинул Путин в центр своей политической программы (Российская газета, 11.07.2000). Однако, «диктатура закона» существенно отличается от принципа верховенства права (rule of law) (Gel'man, 2000; Sharlet, 2001). На практике она означала сугубо инструментальное использование правовых механизмов как орудия селективного применения санкций в рамках системы обмена ресурсами между элитами. В случаях конфликта вокруг НТВ или «казуса Руцкого» юридические нормы или обвинения в их нарушении использовались лишь для обслуживания текущих интересов доминирующего актора. Такого рода набор норм и правил, равно как и система их селективного применения государством, ставшие частью «навязанного консенсуса», вели не к установлению рамок формальных институтов как основы верховенства права, а служили фасадом, или «дымовой завесой» для деформализации правил (Радаев, 2001) и господства произвола (arbitrary rule).

Каковы перспективы?

Таким образом, «навязанный консенсус» представляется своего рода моделью политического развития России, принятой всеми сегментами элит, по крайней

мере, на национальном уровне. Но насколько стабильно это состояние и каковы перспективы изменений политического режима в сторону демократизации или в противоположном направлении? Как минимум, можно рассматривать несколько возможных вариантов дальнейшей политической трансформации в результате «навязанного консенсуса» элит.

Прежде всего, господство одного политического актора и подчинение ему остальных акторов могут оказаться подорваны в силу внутренних конфликтов, неэффективности системы обмена ресурсами и/или же неспособности решать в будущем новые политические и экономические проблемы страны. Вызовы единству российской элиты, начиная от неспособности режима закончить войну в Чечне до непредсказуемых последствий глобализации, могут способствовать тому, что российские акторы будут стремиться либо к автономии, либо к поискам нового доминирующего актора. В свете этого сценария попытка достижения единства элит на новой основе может потерпеть крах, если политический режим не сможет достичь рутинизации (то есть устойчивой деперсонализации) институтов путем решения «дилеммы лидерства». Однако, опыт создания однопартийного режима в Мексике на основе «навязанного консенсуса» (Knight, 1992) показывает, что организационно сплоченная элита способна решить «дилемму лидерства» и обеспечить преемственность режима, минуя демократическую конкуренцию. Впрочем, эта проблема пока еще не стоит на повестке дня в России.

Вместе с тем, «навязанный консенсус» может рассматриваться и как первый, хотя и не вполне последовательный шаг на пути дальнейшей демократизации политического режима в России как элемент «конвергенции элит» (Burton, Gunther, and Higley, 1992). Можно провести некоторые параллели с «картелью тревоги» элит в Западной Германии, которая на протяжении десятилетий после неоднократной смены правящих коалиций по итогам выборов через механизм «конвергенции элит» постепенно переросла в нормативно понимаемый демократический консенсус. Нет оснований исключать такой вариант развития и для России. Однако отсутствие политической конкуренции в элите, наличие в ее составе доминирующего и подчиненных акторов, равно как и преобладание неформальных институтов над формальными, делает в краткосрочной перспективе сомнительным подобное развитие событий. Как минимум, никто из акторов сегодня не заинтересован в подрыве стабильного статус-кво во имя неопределенных перспектив демократизации. Но по этим же причинам маловероятным выглядит и вариант сползания «диктатуры закона» к авторитарному режиму в той или иной форме. Во всяком случае, издержки репрессивной политики в отношении автономных и/или подчиненных акторов могут оказаться слишком велики для доминирующего актора, в то время как различные сегменты элит могут получить стимулы к поиску альтернатив «навязанному консенсусу».

Наконец, «навязанный консенсус» российских элит может сохраниться надолго, если он будет сопровождаться успехами экономической модернизации страны. В долгосрочной перспективе экономический рост, как правило, способствует демократизации (см. обзор: Diamond, 1992). Но в краткосрочной перспективе эти достижения могут оказаться для российских элит не только самоценными, но и самодостаточными. Как отмечал Хуан Линц по отношению к политике в Бразилии начала 1970-х годов, переживавшей высокий экономический рост на фоне военного правления, «этот процесс, комбинируя администрирование, манипулирование, произвольные решения, фальстарты и постоянную смену

кадров, может быть успешным настолько долго, насколько экономика развивается успешно» (Linz, 1973: 254). Такой сценарий, хотя и благоприятный для экономики России, означает подрыв стимулов к развитию политической конкуренции элит в рамках формальных институтов на основе верховенства права. Линц отмечал в этой связи, что «авторитарная ситуация» «оставляет пугающий политический вакуум на будущее» (ibid.: 254). Однако по-прежнему остается неясным, какого рода политический режим может заполнить этот вакуум, и каковы политические итоги той консолидации, которая следует за консенсусом элит в России.

Означает ли это, что второй электоральный цикл в России оказался упущенным шансом демократизации политического режима в стране? Такая оценка была бы слишком поверхностной. В самом деле, хотя в период между первым и вторым электоральными циклами Россия пережила серьезный экономический и политический кризис, ни политические элиты, ни избиратели не только не смогли, но и не захотели отказаться от проведения выборов. Хотя качество думских выборов оказалось далеко от демократических стандартов, сам факт их проведения во многом способствовал мирной и конституционной смене главы государства. Хотя результаты «навязанного консенсуса» российских элит оказались далеки от демократической консолидации, значение демократических институтов вообще и выборов в частности не ставится под сомнение никем из политических акторов. И, наконец, хотя выборы 1999-2000 годов были откровенно несправедливыми, когда едва ли не все ресурсы, доступные государственному аппарату, были брошены на победу правящей группировки над своими конкурентами, они все же оставались свободными, так как никто из значимых участников не был исключен из предвыборной борьбы. В целом, второй электоральный цикл в России, хотя и не стал шагом вперед в сторону демократизации, не стал и шагом назад. По сравнению с первым электоральным циклом уровень электоральной демократии в стране остался прежним – и не более того. Но и не менее.

В этой связи применительно к выборам 1999-2000 годов не утратили актуальности наши оценки итогов первого электорального цикла в России: «независимо от оценок значения «учредительных выборов», строительство демократических институтов в современной России – долгосрочный процесс, для которого характерно инкрементное накопление успешного опыта институционального дизайна, политической конкуренции, массового участия и передачи власти. В ходе «учредительных выборов» Россия сделала лишь первые, еще маленькие и не вполне последовательные шаги по пути к электоральной демократии. Но успешное продвижение в этом направлении в значительной мере будет зависеть от следующих шагов» (Гельман, Голосов и Мелешкина, 2000: 39). Тот факт, что эти шаги будут сделаны, что третий электоральный цикл в России состоится, кажется, сомнений не вызывает. Но пока еще неясно, создаст ли он реальный механизм политической конкуренции или же исход выборов будет известен еще до голосования.

Литература

- Волков, Вадим (1998). Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства (исследовательская гипотеза). *Полис*, N5, С.39-47.
- Гельман, Владимир (1999). *Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция*. М.: МОНФ.
- Гельман, Владимир (2000). Сильная исполнительная власть: президент и его правительство, в: Григорий Голосов и Елена Мелешкина (ред.). *Политическая социология и современная российская политика*. СПб: Борей-Принт, С.195-225.
- Гельман, Владимир, Григорий Голосов и Елена Мелешкина (ред.) (2000). *Первый электоральный цикл в России, 1993-1996*. М.: Весь мир.
- Гельман, Владимир, Сергей Рыженков и Михаэль Бри (ред.) (2000). *Россия регионов: трансформация политических режимов*. М.: Весь мир.
- Голосов, Григорий (1999). *Партийные системы России и стран Восточной Европы*. М.: Весь мир.
- Голосов, Григорий (2000). Политические партии на региональном уровне, в: Григорий Голосов и Елена Мелешкина (ред.). *Политическая социология и современная российская политика*. СПб: Борей-Принт, С.226-271.
- Задорин, Игорь (2000). Средства массовой информации и электоральное поведение россиян, в: Майкл Макфол, Николай Петров и Андрей Рябов (ред.). *Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов*. М.: Гендальф, С.208-221.
- Зудин, Андрей (2000). Кремль как субъект избирательной кампании, в: Майкл Макфол, Николай Петров и Андрей Рябов (ред.). *Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов*. М.: Гендальф, С.99-111.
- Зудин, Андрей (2001). Бизнес и государство: к новой модели взаимоотношений, в: Татьяна Заславская (ред.). *Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса*. М.: МВШСЭН, 2001, С.212-219.
- Капустин, Борис (1998). *Современность как предмет политической теории*. М.: РОССПЭН.
- Кувалдин, Виктор (1998). Президентство в контексте российской трансформации, в: Лилия Шевцова (ред.). *Россия политическая*. М.: Московский Центр Карнеги, С.15-70.
- Кудрявцев, Илья и Борис Овчинников (2000). Кампания Г.Явлинского, в: Майкл Макфол, Николай Петров и Андрей Рябов (ред.). *Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов*. М.: Гендальф, С.457-464.
- Макаренко, Борис (2000). «Отечество – Вся Россия», в: Майкл Макфол, Николай Петров и Андрей Рябов (ред.). *Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов*. М.: Гендальф, С.155-166.
- Марков, Сергей (2000). Манипулятивная демократия. *Независимая газета*, 2 марта, С.8.
- Мельвиль, Андрей (1999). *Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты*. М.: МОНФ.
- Овчинников, Борис (2000). «Яблоко», в: Майкл Макфол, Николай Петров и Андрей Рябов (ред.). *Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов*. М.: Гендальф, С.167-179.
- Овчинников, Борис (2001). Парламентские выборы-1999: статистические аномалии, в: Николай Петров (ред.). *Регионы России в 1999 году*. М.: Гендальф, С.225-237.
- Паппэ, Яков (2000). *Олигархи. Экономическая хроника 1992-2000*. М.: ГУ-ВШЭ.
- Перегудов, Сергей, Наталья Лапина и Ирина Семенович (1999). *Группы интересов и российское государство*. М.: Эдиториал УРСС.
- Петров, Николай (1999). Совет Федерации и представительство интересов регионов в Центре, в: Николай Петров (ред.) *Регионы России в 1998 году*. М.: Гендальф, С.180-222.
- Петров, Николай и Алексей Титков (2000). Выборные хроники, в: Майкл Макфол, Николай Петров и Андрей Рябов (ред.). *Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов*. М.: Гендальф, С.9-47.

- Пшеворский, Адам (1999). *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОССПЭН.
- Радаев, Вадим (2001). Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности. *Вопросы экономики*, №6, С.60-79.
- Смирнягин, Леонид (2001). Федерализм по Путину или Путин по федерализму (железной пятой)? *Брифинг Московского центра Карнеги*, т.3, №3, С.1-4.
- Согрин, Владимир (2001). *Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина*. М.: Весь мир.
- Третьяков, Виталий (2000). Россия: последний прыжок в будущее. *Независимая газета*, 24 февраля, С.8.
- Холодковский, Кирилл (1997). Консолидация элит: общественный пакт или верхушечный сговор? в: Татьяна Заславская (ред.). *Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии*. М.: Интерцентр, С.125-132.
- Черняховский, Сергей (2000). Кампания Г.Зюганова, в: Майкл Макфол, Николай Петров и Андрей Рябов (ред.). *Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов*. М.: Гендальф, С.441-456.
- Шапиро, Иэн (2001). Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики. *Полис*, №3, С.6-15; №4, С.27-36; №5, С.54-64.
- Шевцова, Лилия (1999). *Режим Бориса Ельцина*. М.: РОССПЭН.
- Шевцова, Лилия (2001). Выборное самодержавие при Путине: перспективы и проблемы эволюции политического режима. *Брифинг Московского центра Карнеги*, т.3, №1, С.1-4.
- Шейнис, Виктор (2000). Третий раунд (к итогам парламентских и президентских выборов). *Мировая экономика и международные отношения*, №9, С.45-61.
- Шумпетер, Йозеф (1995). *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.
- Breslauer, George (1999). Boris Yeltsin as Patriarch, *Post-Soviet Affairs*, vol.15, №2, P.186-200.
- Burton Michael, Richard Gunther, and John Higley (1992). Introduction: Elite Transformations and Democratic Regimes, in: John Higley and Richard Gunther (eds.). *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, P.1-37.
- Case, William (1996). Can the "Halfway House" Stand? Semidemocracy and Elite Theory in Three Southeast Asian Countries. *Comparative Politics*, vol.28, №4, P.437-464.
- Collier, David and Steven Levitsky (1997). Democracy with Adjectives. Conceptual Innovation in Comparative Research. *World Politics*, vol.49, №3, P.430-451.
- Darendorf, Ralf (1967). *Society and Democracy in Germany*. Garden City, NY: Doubleday.
- Diamond, Larry (1992). Economic Development and Democracy Reconsidered, in: Gary Marks and Larry Diamond (eds.). *Reexamined Democracy. Essays in Honor of Seymour Martin Lipset*. London: Sage, pp. 93-139.
- Dogan, Mattei, and John Higley (eds.) (1998). *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Gel'man, Vladimir (2000). The Dictatorship of Law in Russia: Neither Dictatorship nor Rule of Law. *Program on New Approaches to Russian Security PONARS Policy Memo N146* (www.csis.org/rusera/ponars/policymemos/pm_0146.pdf)
- Hyde, Matthew (2001). Putin's Federal Reforms and Their Implications for Presidential Power in Russia. *Europe-Asia Studies*, vol.53, №5, P.719-742.
- Karl, Terry (1986). Imposing Consent? Electoralism and Democratization in El Salvador, in: Paul W.Drake and Eduardo Silva (eds.) *Elections and Democratization in Latin America, 1980-1985*. San Diego: University of California at San Diego, P.9-36.
- Karl, Terry and Philippe Schmitter (1991). Models of Transition in Latin America, Southern and Eastern Europe. *International Social Science Journal*, vol.43, №128, P.269-284.
- Knight, Alan (1992). Mexico's «Elite Settlement»: Conjecture and Consequences, in: John Higley and Richard Gunther (eds.). *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, P.113-145.

- Linz, Juan (1973). The Future of an Authoritarian Situation or the Institutionalization of an Authoritarian Regime: The Case of Brazil, in: Alfred Stepan (ed.). *Authoritarian Brazil: Origins, Policies, and Future*. New Haven and London: Yale University Press, P.233-254.
- Linz, Juan and Alfred Stepan (1996). *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe America, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press.
- McFaul, Michael (1999). The Perils of Russia's Protracted Transition. *Journal of Democracy*, vol.10, N2, P.4-18.
- McFaul, Michael (2000). One Step Forward, Two Steps Back. *Journal of Democracy*, vol.11, N3, P.19-33.
- O'Donnell, Guillermo (1996). Illusions About Consolidation. *Journal of Democracy*, vol.7, N2, P.34-51.
- O'Donnell, Guillermo and Philippe Schmitter (1986). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press.
- Olson, Mancur (1965). *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Roeder, Philip (1994). Varieties of Post-Soviet Authoritarian Regimes. *Post-Soviet Affairs*, vol.10, N1, P.61-101.
- Sartori, Giovanni (1990). The Sociology of Parties: A Critical Review, in: Peter Mair (ed.). *The West European Party System*. Oxford: Oxford University Press, P.150-182.
- Solnick, Steven (1999). Russia's Transition: Is Democracy Delayed Democracy Denied? *Social Research*, vol.66, N3, P.789-824.
- Solnick, Steven (2000). The New Federal Structure: More Centralized, or More the Same? *Program on New Approaches to Russian Security PONARS Policy Memo N161* (www.csis.org/rusera/ponars/policymemos/pm_0161.pdf).
- Sharlet, Robert (2001). Putin and the Politics of Law in Russia. *Post-Soviet Affairs*, vol.17, N3, P.195-234.
- Smith, Steven and Thomas Remington (2001). *The Politics of Institutional Choice: The Formation of the Russian State Duma*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Stepan, Alfred (2000). Russian Federalism in Comparative Perspective. *Post-Soviet Affairs*, vol.16, N2, P.133-176.
- Tsebelis, George (1990). *Nested Games: Rational Choice in Comparative Politics*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.